

Даниловские чтения
Античность – Средневековье – Ренессанс
Искусство и культура
Сборник 5

УДК 7.072

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-1-10-13

Штрихи к портрету

Михаил Н. Соколов

Аннотация. Настоящая публикация – переиздание заметки ныне покойного М.Н. Соколова в сборнике к юбилею тридцатилетней деятельности И.Е. Даниловой в качестве заместителя директора по науке ГМИИ им. А.С. Пушкина [Соколов 1997, с. 22–23]. Это не мемуары о покойной старшей коллеге, но скорее дифирамб, обращенный к еще живой и деятельной руководительнице научной жизни Музея и его гуманитарного окружения. В остроумном и кратком эссе М.Н. Соколову удалось обрисовать как основные черты творческого облика И.Е. Даниловой, так и ее человеческий характер.

Ключевые слова: И.Е. Данилова, наука, история искусства, Средние века, Возрождение, Древняя Русь, Италия, Россия

Для цитирования: Соколов М.Н. Штрихи к портрету // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 1. С. 10–13. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-1-10-13

© Соколов М.Н., наследники, 2022

Brush-strokes for a portrait

Mikhail N. Sokolov

Abstract. This publication is a reprint of a study by the now deceased M.N. Sokolov in a collection of articles dedicated to the thirtieth anniversary of I.E. Danilova as Deputy Director for research of the A.S. Pushkin State Museum of Fine Arts [Sokolov 1997, pp. 22–23]. It is not a memoir about a late senior colleague, but rather a dithyramb addressed to the still living and active leader of the Museum's academic life and its human community. M.N. Sokolov managed to outline in a short witty essay the main features of I.E. Danilova as a researcher and as a human being.

Keywords: I.E. Danilova, science, art history, Middle Ages, Renaissance, Old Russia, Italy, Russia

For citation: Sokolov, M.N. (2022), "Brush-strokes for a portrait", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 1, pp. 10–13, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-1-10-13

Суrowость и грациозное достоинство – первые слова, которые приходят на ум, когда хочешь передать впечатление об Ирине Евгеньевне Даниловой. Она вся – в изысканной, как на полотнах Бронзино, броне, оставшейся от того послевоенного лихолетья, когда верховной благодетелью было осторожное Благоразумие, т. е. самозащищенность вкупе с умением видеть далеко назад и вперед. Следующие поколения, привыкшие к театральному радушию и веселой междусобойности шестидесятников, воспринимают гармонию благоразумия как чопорность, даже как холодное равнодушие. Однако трудно было бы, наверное, найти в нашей гуманитарной среде человека менее равнодушного, чем Ирина Евгеньевна.

Та же благоразумная гармония определяет и отношение И.Е. Даниловой к современной культуре. Очень редко выступая в художественно-критическом жанре, где можно «безобидным образом излагать смутность испытываемых ощущений» (Салтыков-Щедрин), Ирина Евгеньевна, однако же, видит и понимает гораздо больше, чем присяжные критики. Недаром благодарную память о ее преподавании сохранили столь многие из наших крупных современных мастеров, обычно не жалующие искусствоведов-педагогов и искусствоведов как таковых большим вниманием (признательная память учеников роднит И.Е. Данилову с ее учителем М.В. Алпатовым, у которого тоже много почитателей среди художников). «Это – настоящий язык», – не мудрствуя лукаво, говорят художники, признавая умение так же творчески

работать со своим материалом, как они работают с красками, камнем, деревом. А что касается чувства современности, то в работах И.Е. Даниловой можно найти тонкие, вполне постмодернистские интуиции – например там, где она специально выделяет цитату из Альберти, описывающего человеческую культуру в виде печальной, поросшей бурьяном свалки.

Наверное, главный дар хорошего человека – это дар понимания той «прекрасной сложности» (К. Леонтьев), которая предопределяет всякое культурное пространство, и древнее, и новое. Прекрасно чувствуя и Средние века, и Возрождение, Ирина Евгеньевна не мыслит их в виде двух ступеней, двух последовательных этапов, но умеет виртуозно показать их равноправие, разделить свои «симпатии поровну между двумя великими эпохами» (М.Я. Либман).

Благодаря этому и укрепляется возможность подлинно гуманистического изучения средневекового искусства, прежде всего древнерусского, по духу своему архисредневекового. Реализация этой возможности – едва ли не самое главное в великом наследии М.В. Алпатова, лучшей, самой верной ученицей которого Ирина Евгеньевна является. Обращаясь к трудам И.Е. Даниловой, мы учимся понимать гуманизм византийства, равно как и средневековую базу Ренессанса. (На ум приходит сцена из «Воскресших богов» Мережковского, где Леонардо да Винчи с удивлением созерцает творения русского иконописца, прибывшего вместе с посольской миссией.) Это взаимосозерцание двух (в общем-то антагонистических) эпох, проступающее в методе И.Е. Даниловой, крайне необходимо социальному пространству наших дней, когда Византия и Новое время сходятся в некрасивых разборках по поводу церковных ценностей. Книги все же кое-чему учат – хотя это надоевшая банальность.

Другой очень важный мотив работы Ирины Евгеньевны – Италия и Россия. Это, впрочем, продолжение того же эпохально-географического взаимосозерцания. Сама Ирина Евгеньевна как исследователь – суть Россия внутри Италии, ее точка зрения неизменно хранит память о Древней Руси среди шедевров Мазаччо или Боттичелли. При этом ее взгляд нигде не соскальзывает в культурологическую лирику, но остается строго историчным, даже историко-социологическим, восполняя ту историческую социологию искусства, которая у нас блистательно отсутствует. Недаром столь ценит она наблюдения Франкастеля и Бэксанделла, которые столь много сделали для того, чтобы современный зритель смог мысленно поставить себя на место человека кватроченто.

В книгах и статьях И.Е. Даниловой мы получаем возможность ощутить себя не сторонними зрителями, но войти в живую среду

произведения. Поэтому, наверное (лелея волшебный эффект бытия-внутри-образа), Ирина Евгеньевна охотнее всего обращается к творениям величественным и масштабным: к фресковым циклам, к храмам, к городской исторической среде в целом – как в случае с «Брунеллески и Флоренцией». Но опять же, как бы ни возрастали масштабы, естественная точка исхода линий восприятия (то есть человек) остается на своем месте. Человек не растворяется в структурах, символических отношениях и двусмыслиях – может быть, поэтому Ирина Евгеньевна испытывает некоторое недоверие к структурализму и иконологии, где такое растворение нередко происходит.

Но каковы бы ни были ее методологические пристрастия, она всегда открыта новым веяниям и гипотезам. Конференции, которые долгое время проводились в ГМИИ под ее руководством, даже в самое глухое застойное время носили вид вольных симпозиумов, участники которых не слишком мучили себя авторедактурой. Во многом благодаря И.Е. Даниловой ГМИИ и превратился в один из замков науки, которые гордо высятся среди сегодняшнего хаоса. Ирине Евгеньевне не надо было перестраиваться после 1985 г. – она всегда занималась только своим честным делом.

Большинство московских – да и не только московских – историков искусства чем-то так или иначе Ирине Евгеньевне обязано. Да останется она и впредь тем – по словам одного поэта-метафизика XVII века – «нежным и властным центром», вокруг которого вращается все лучшее в нашей многострадальной науке.

Литература

Соколов 1997 – *Соколов М.Н.* Штрихи к портрету // Введение в храм: Сборник статей / Под ред. Л.И. Акимовой. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 22–23.

References

Sokolov, M.N. (1997), "Strokes for the portrait", in Akimova, L.I. (ed.), *Vvedeniye v khram: Sbornik statey* [The Entry into the Temple: Collected articles], *Yazyki russkoi kul'tury*, Moscow, Russia, pp. 22–23.